

**ТРАДИЦИИ В. А. ЖУКОВСКОГО В МОТИВНОЙ ПОЭТИКЕ И. А. БУНИНА:
ОТ ЛИРИКИ К ПУБЛИЦИСТИКЕ**

В статье исследуется рецепция И. А. Буниным-лириком и публицистом поэтического наследия В. А. Жуковского. Осмысление Буниным творчества Жуковского и освоение его произведений в качестве универсального претекста включают в себя жанрообразовательный, мотивологический и культурно-биографический аспекты, анализ которых позволяет сделать вывод о моделирующем характере воздействия художественного мира Жуковского на лирическую систему Бунина.

Ключевые слова: Жуковский, Бунин, жанр, мотив, лирика, публицистика.

Значимость наследия и личности В. А. Жуковского для И. А. Бунина несомненна. Именно к Жуковскому писатель возводил свою поэтическую и семейную генеалогию [Бунин, 2007. С. 151], называя русского романтика Василием Афанасьевичем Буниным и именуя его зачинателем русской классической литературы [Бабореко, 2004. С. 408]. Программные произведения Бунина – «Деревня», «Суходол», «Жизнь Арсеньева» – наполнены явными и скрытыми аллюзиями на произведения и биографию Жуковского. В свете сказанного важной представляется до сей поры не исследованная проблема «текста Жуковского» в лирике Бунина.

В жанровом отношении Бунин обращается чаще всего к балладам «первого русского романтика». Отдельные смысловые поля создаются «метельным текстом», генетически восходящим к «Светлане», балладным «рыцарским текстом» и аллюзивным биографическим текстом Жуковского (обыгрывание фамилии, известий о происхождении, личной жизни поэта). В то же время для лирики Бунина характерно объединение произведений, ориентированных на Жуковского, в смысловые связки текстов, создававшиеся микроциклами в определенные

моменты времени. В результате «текст Жуковского» обретал хронологическую приуроченность к поворотам судьбы самого Бунина и, таким образом, проецировался на его автобиографический метатекст, становясь слагаемым лирического дневника художника. Это особенно важно, учитывая наметившийся в 10-е гг. XX в. фронтальный поворот Бунина к жанру автобиографии. Образ Жуковского в этой перспективе имел принципиальное значение.

В 1886–1902 гг. Бунин пишет ряд стихотворений, варьирующих хронотоп и образно-мотивную систему баллады Жуковского «Светлана». После Жуковского продолжателем традиции этой «зимней» баллады и популяризатором «метельного текста»¹ стал А. С. Пушкин, использовавший его в своих программных произведениях (сон Татьяны в «Евгении Онегине», «Метель», «Бесы»², «Капитанская дочка») и указавший на значимость этого балладного источника через систему эпиграфов из Жуковского.

У Жуковского:

Тускло светится луна
В сумраке тумана –

¹ О генезисе мотива см.: [Никанорова, 2002; 2004].

² О «Бесах» А. С. Пушкина как деканонизированной балладе см.: [Бройтман, 2004].

*Молчалива и грустна*³

Милая Светлана

[Жуковский, 2008. Т. 3. С. 32].

У Пушкина:

«... Скажи: которая Татьяна?»

– Да та, которая *грустна*

И молчалива, как Светлана,

Вошла и села у окна

[Пушкин, 1978. Т. 5. С. 50].

В лирике 1886–1902 гг. Бунин особенно активно использует топосы «Светланы», указывая на свою преемственность по отношению к специально отобранному пантеону предшественников: предку Жуковскому и символу классического периода русской литературы Пушкину.

Как *светла*, как нарядна весна!

Погляди мне в глаза, как бывало,

И скажи: отчего ты *грустна*?

Отчего ты так ласкова стала?

Но *молчишь* ты, слаба, как цветок...

[Бунин, 1987. Т. 1. С. 80].

И в ней *луна* столбом отражена.

Склонив лицо прозрачное, *светлеет*

И грустно в воду смотрится она

[Там же. С. 115].

Помимо продуктивных топосов такого рода, «Светлана» Жуковского повлияла на становление важнейшего в мотивной поэтике Бунина «метельного текста». Так, в написанном в 1901 г. стихотворении «Эпиталама», совмещающем в себе черты античной свадебной песни с балладным параллелизмом «свадьбы-похорон», «метельный текст» звучит вполне отчетливо: «В старом храме, и сиял / Чистый образ *новобрачной* <...> // А из окон *ночь* синела; / Зимний вечер темен был, / *Вьюга* в сумраке шумела, / Грустно с колоколом пела, / Поднимая снег с *могил*...» [Там же. С. 112]. С легкой руки Жуковского балладные мотивы, использованные в «Светлане» (открытое, труднопреодолимое из-за буйства зимней стихии степное пространство), стали универсальными метафорами национального хронотопа. Так, у

Бунина читаем: «Родились мы в снегу, – вьюга нас и схоронит» [Там же. С. 386]. В ранней лирике поэта 1886–1902 гг. «метельный текст» становится лейтмотивным как на уровне заглавий («Крещенская ночь», «Метель», «Вьется путь в снегах, в степи широкой...»), так и в образно-мотивной системе («Ночью в полях, под напевы метели», «Пусть бежит, в степи метель играет», «А вьюга трупы замела» и т. д.) [Там же. С. 45–120, 377–393].

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. Бунин экспериментирует с переводами произведений, в свое время интересовавших Жуковского-переводчика, и обращается к «Лесному царю» Гете и «Лалле Рук» Т. Мура. Если бунинские переводы конца XIX – начала XX в. еще очень зависимы от переводов Жуковского и аллюзивны по отношению к его биографии, то в дальнейшем Бунин адаптирует исходные сюжеты к собственному житетексту. Так, в 1903–1906 гг. он обращается к двум программным балладам Жуковского: «Лесному царю» и «Эоловой арфе» (стихотворения «Горе» и «Призраки»).

Баллада «Горе», датированная в собраниях сочинений очень приблизительно 1903–1906 гг. [Там же. С. 180], – второе обращение поэта к «Лесному царю». Как отмечает современный исследователь, «возвращение отца вечером лесной дорогой, тревога о больном сыне, недобрые предчувствия, смерть ребенка – это фабульная канва, как и характерный романтический антураж, напоминают о стихотворении Гете в переложении Жуковского и в юношеском переводе Бунина» [Владимиров, 1999. С. 32]. Но если в 1886 г. Бунин делает точный перевод баллады Гете «Der Erlkönig», открыто ориентированным на перевод Жуковского, то в 1903–1906 гг. его интересуют уже не строчное воспроизведение немецкого источника и техника литературного перевода, а репрезентативность балладного жанра и мотивной системы «Лесного царя» в отношении собственного биографического опыта. Полагаем, датировка стихотворения может быть уточнена именно в связи с семейными обстоятельствами писателя: в конце 1904 г. заболел и 16 января 1905 г. скончался сын Бунина Коля. Баллада, вероятнее всего, была написана в интервале между 18 января 1905 г. – в этот день было написано письмо Элеоноры Павловны (ма-

³ Здесь и далее за исключением специально оговоренных случаев курсив наш. – Е. А.

чеки А. Н. Цакни. – Е. А.) Бунину с трагическим известием [Бабореко, 2004. С. 91], и 1906 г., когда публикуется сборник «Стихотворения 1903–1906» с вошедшей в него балладой «Горе».

Едва ли будет натяжкой предположение, что ключевые в стихотворении мотивы болезни и смерти сына в отсутствие отца коренятся в драматической истории потери Буниным своего единственного ребенка. После расставания писателя с А. Цакни в 1900 г. их сын воспитывался в семье супруги, и Бунин виделся с ним «раз пять в году», при этом «весь дом затворялся у себя и дышал <...> злобой» [Там же. С. 81]. Думается, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие в бунинском произведении такого характерного признака балладного жанра, как диалог: постоянная разъединенность поэта с Колей подводила под изъятие этого композиционного фрагмента достоверно-биографическую основу. Ею же объясняется и снятие с отца в стихотворении «Горе» всякой вины за произошедшее, вины, более или менее явственно вытекавшей из глухоты всадника к жалобам ребенка у Гете, Жуковского и молодого Бунина-переводчика «Лесного царя». Со слов В. Н. Муромцевой мы знаем, что причину гибели сына Бунин видел в беспечности бывших родственников, падких на праздное общение: «Жаловался на Цакни, что у них “двери на петлях не держались” и скарлатину занес кто-нибудь из гостей» [Там же. С. 92]. В поэтической обработке эта деталь обрела такое звучание: «Погубили дитя переходящие старцы-калик!» [Бунин, 1987. Т. 1. С. 180].

В лирике Бунина 1906–1916 гг. к характерной топике «метельных текстов» 1886–1902 гг. добавляются такие компоненты «Светланы» Жуковского, как зеркало, сон и жених-мертвец, формирующие не только настроение лирического героя, но и собственно лиро-эпические балладные сюжеты. Важнейшим лирическим циклом, обращенным к Жуковскому, является группа текстов, написанная Буниным в течение нескольких дней (25.01–13.02.1916): «Богом разлученные», «Сон», «Зеркало», «В горах», «Людмила» и «Колизей».

Внутри так называемого «Жуковского цикла» можно выделить стихотворения-дубликаты, объединенные мотивными сцеплениями. В первой паре дублетов «Богом разлученные» и «Сон», написанных 25 и 30 января 1916 г., обыгрываются сюжеты главных баллад Жуковского. Стихотворение «Богом разлученные» ориентировано на

произведения «русского балладника», объединенные темой разлуки – автобиографической для Жуковского. Бунин перекодирует в древнерусскую образность (как и в балладе «Горе») такие неотъемлемые детали любовных баллад Жуковского («Пустынник», «Алина и Альсим», «Рыцарь Тогенбург» и т. д.), как антураж средневекового монастыря (пустынной кельи), любовь в буквальном смысле до гроба, обет отречения друг от друга. В «Сне» присутствует атмосфера «Светланы» с ее зыбкой границей между сном и явью, скачкой под луной по бескрайнему снежному пространству и персонажем-«мертвецом».

Другой парой дублетов являются стихотворения «Зеркало» и «Людмила», написанные также с разницей в несколько дней – 10 и 13 февраля 1916 г. Оба стихотворения аллюзивны по отношению к балладному подтексту «Суходола», восходящему, в свою очередь, к «Людмиле» и «Светлане» Жуковского и внедренному в описание любовной интриги Тони и Войткевича, который «глухим голосом» читал героине балладу «Людмила», первый и наиболее экзальтированный вариант сюжета Бюргера о возвращении мертвого жениха. Одновременно важную роль в организации символического пространства повести играет не менее четко ориентированный на мотивологию баллады Жуковского образ зеркала, в отражении которого у фортепиано разыгрывался роман Тони и Войткевича.

Третьей парой дублетов этого периода, связанных с Жуковским, являются бунинские стихотворения «В горах» и «Колизей» (12 и 13 февраля 1916 г.). Если первые дублетные пары содержат балладные аллюзии, то эти два стихотворения позволяют обнаружить связь с элегиями Жуковского и его эстетическим манифестом «Невыразимое». Стихотворение «В горах» начинается с парафраза слов Жуковского. «Поэзия темна, в словах не выразима» [Бунин, 1987. Т. 1. С. 315], – пишет Бунин. Сравним у Жуковского: «Кто мог создание в словах пересоздать? / *Невыразимое* подвластно ль выраженью?..» [Жуковский, 2000. Т. 2. С. 129]. Именно в «Невыразимом», ставшем гимном романтической эстетики, Жуковский сформулировал антитезу богатства внешнего и внутреннего мира, с одной стороны, и скудости поэтического языка для их передачи – с другой.

После долгого поиска нужного начала стихотворения Бунин останавливается на определении поэзии, данным Жуковским:

дениях Жуковского и Пушкина, в которых природные метели соединяются со смятенностью чувств персонажей и социально-историческими катаклизмами, а некоторые из них осмысляются позднее как символы революционного хаоса («Бесы», «Капитанская дочка»).

В публицистике Бунин сравнивает события в России 1905–1920-х гг. с *мятежами* Емельяна Пугачева и Степана Разина. Фонем деяний *мятежников* XX в. становится *мечущийся* народ, «метелицу» революции автор «Окаянных дней» воспринимает катастрофически и в пику А. А. Блоку называет «бессмыслицей» [Бунин, 2000. С. 34–35, 144]. В этом ключе Бунин воспринимает события 1917 г., считая точкой отсчета национальной трагедии не октябрьскую, а зимнюю – «бескровную» февральскую революцию. Как свидетельствует эпистолярный писателя, ее природным камертоном становятся метели, затянувшиеся в 1917 г. до самого лета [Бунин, 2007. С. 387; Устами Буниных, 1977. Т. 1. С. 162].

Социально-исторический надлом России и судьбу русской эмиграции в 20-е гг. Бунин также осмысляет в балладной перспективе, сравнивая судьбу соотечественников с персонажами баллады Жуковского «Ивиковы журавли»: «Так было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой беженцев, только одним своим наличием вопиющих против содеянного в России, – были, по прекрасному выражению одного русского писателя, *ивиковыми журавлями*, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы свидетельствовать против московских убийц» [Бунин, 2000. С. 149].

Список литературы

Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004. 455 с.

Бройтман С. Н. Баллада // Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М., 2004. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. С. 330–334.

Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Под ред. О. Н. Михайлова. М., 2007. 829 с.

Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под ред. О. Н. Михайлова. М., 2000. 639 с.

Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1987–1988.

Владимиров О. В. Баллада в лирике И. А. Бунина 1910-х годов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки: Филология. 1999. Вып. 6 (15). С. 32–36.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991.

Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина и акмеизм: сопоставительный анализ поэтических систем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: проблемы текстологии. I // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. ст. в честь Т. В. Цивьян. М., 2007. С. 359–381.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–2009.

Немзер А. С. Поэзия Жуковского в шестой и седьмой главах романа «Евгений Онегин» // Пушкинские чтения в Тарту-2: Материалы междунар. науч. конф. 18–20 октября 1998 г. Тарту, 2000. С. 43–64.

Никанорова Е. К. Буря на море, или Буран в степи (к вопросу о типологии мотивов). Статья первая // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2002. Вып. 5: Сюжеты и мотивы русской литературы. С. 3–36.

Никанорова Е. К. Буря на море, или Буран в степи (к вопросу о типологии мотивов). Статья вторая // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2004. Вып. 6: Интерпретация художественного произведения: сюжет и мотив. С. 3–30.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 10 т. Л., 1977–1979.

Устами Буниных: В 3 т. Франкфурт-на-Майне, 1977–1982.

Материал поступил в редколлегию 01.12.2011

E. E. Anisimova

V. A. ZHUKOVSKY'S TRADITIONS IN I. A. BUNIN'S MOTIF POETICS: FROM LYRIC POETRY TO SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM

The article investigates the perception by I. A. Bunin, the lyric-writer and publicist, of Zhukovsky's poetic heritage. Bunin's comprehension of Zhukovsky's creative activity and assimilation of his works as universal pretext include genre-forming, motif and cultural-biographic aspects whose analysis allows to make a conclusion about modelling character of influence of Zhukovsky's artistic world on Bunin's lyrical system.

Keywords: Zhukovsky, Bunin, genre, motif, lyric poetry, social and political journalism.